

Алексей Янкин

*Путь домой
идет через
болото*

часть 2

Алексей Евгеньевич Янкин
Путь домой идёт
через болото. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11279153

ISBN 978-5-4474-1502-0

Аннотация

Жить совершенно одному, вдали от людей, вести натуральное хозяйство? Не быть никому ничем обязанным и ни перед кем, кроме себя, не держать ответа? Даже решившись на этот шаг, сможешь ли ты не одичать, не сойти с ума, остаться человеком, не превратиться в животное? Один, по доброй воле на затерянном среди сибирских болот острове.

Содержание

Часть 2	6
Отшельник	7
Глава 1	7
068	7
069	10
Глава 2	14
070	15
071	19
072	21
073	22
Глава 3	28
074	28
075	30
076	32
077	33
078	35
Глава 4	40
079	40
080	44
081	47
082	48
Глава 5	51
083	52

084	54
085	58
Глава 6	63
086	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Путь домой идет
через болото
часть 2
Алексей Янкин**

© Алексей Янкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Часть 2

Отшельник (соль земли)

*Не следует предаваться сожалениям
о прошлом, ни жаловаться на перемены,
которые нам в тягость, ибо перемена
есть самое условие жизни.*

А. Франс

*«И так всю жизнь, – подумал я. – Каким
тяжелым трудом, ценой каких лишений
добывал себе этот человек средства к
жизни!». Но тотчас я поймал себя на
другой мысли: едва ли бы этот зверолов
согласился променять свою свободу.*

В. К. Арсеньев

Глава 1

068

Я правил свое неуклюжее судно к северу, вдоль затопленного русла протоки. Мною заранее были определены требования к новому, пока еще не открытому месту жительства. Это должен быть остров. Во-вторых, размером никак

не меньше того, что я вынужден был покинуть. Лучше даже, если несколько больше. В-третьих, невдалеке от него обязательно должен размещаться окраинный берег болота с тем, что бы иметь возможность переправляться в тайгу, охотясь там и ставя ловушки.

Плыл неспешно, чтобы не поднимать лишнего шума, без особых усилий отталкиваясь шестом от промерзшего еще дна. Глубина не превышала полутора-двух метров. Лишь в редких местах дно круто падало вниз, что бы тут же возникнуть вновь. Плот мягко скользил по умиротворенному водному зеркалу, предутренний покой которого нарушался лишь легкой рябью от моей вязанки. Ближе к утру поднялся свежий ветерок и плот принялся растерянно рыскать по курсу. Удержание прежнего направления потребовало значительных усилий.

Часа через три, когда солнце полностью оторвалось от горизонта, остатки моего островка окончательно скрылись в туманном мареве. Опасаясь что преследователи (если конечно они решились стать моими преследователями) могут увидеть меня, одиноко возвышающегося на фоне безбрежного водного простора, а так же от того что сильно утомился от интенсивной физической работы, решил поставить плот на прикол и отдохнуть. Глубоко вонзив шест в грунт и привязавшись к нему, вытащил из короба несколько шкур и раскинул на бревнах. Затем достал продукты, с удовольствием позавтракал, запивая водой, зачерпывая её ладонью прямо

за бортом.

Солнышко начинало пригревать, сдвигая в сторону предутреннюю морозь. Удобно развалившись, закинув руки за голову, предался размышлениям. Очень хотелось курить, но я опасался, что запах табачного дыма далеко разнесётся над водой и может выдать меня. По зрелому размышлению решил, что вернее будет не пытаться сейчас уплыть как можно дальше от острова, стремясь побыстрее скрыться от возможной погони. У моих визави имеются не только две лодки, которые позволят им при желании прочесать большую площадь и быстро нагнать меня, но и бинокль, с помощью которого они способны держать под контролем всё пространство вокруг, до самого горизонта. Лучше просто лечь, стараясь не обнаружить своего местонахождения, не поднимаясь весь день с палубы судна, и хорошенько отдохнуть, положившись на судьбу и везенье. В таком разе наткнуться на меня спасатели смогут лишь случайно. Едва возвышающийся над поверхностью плот им будет разглядеть весьма и весьма непросто, так как его контуры скрадываются на фоне торчащих из воды прутьев многочисленных кустов и макушек небольших притопленных островков.

Растянувшись на шкурах, укрывшись одной из них, задремал. Проснулся от того что почудились сквозь сон голоса и скрип уключин. Все вокруг заволочло густым туманом, верхняя граница которого неторопливо колыхалась едва в метре над водой. Солнце нескромно заглядывает ко мне свер-

ху, будучи пока еще не в силах разогнать клубящийся водяной пар. Осторожно приподняв голову, прислушиваюсь. Нет, вроде бы никаких голосов, только лишь изредка слабые всплески, скорее всего это играет рыба, либо другая какая живность. Встав, осторожно приподнимаю голову над лежащим на воде облаком и оглядываюсь вокруг. Никаких признаков погони. Успокоившись, вновь растягиваюсь на своем импровизированном ложе.

Сон абсолютно ушел. Впервые за долгое-долгое время ощущаю совершеннейшее блаженство покоя и безразличие к своему прошлому и будущему. Существую только сейчас и только здесь. Ощущаю блаженство, какое ощущает, видимо, пригретый солнышком цветок, замерший среди луговых трав и наслаждающийся счастьем бытия, не гадающий о том, что с ним случится завтра – съест ли его злобное жвачное, иссушит ли жаркое безразличное солнце или загубят бессердечные проливные дожди. Сегодня он живет! Ему свыше выпал удивительнейший шанс на этот миг жизни и он им пользуется. Его жизнь лишь результат лотереи, в розыгрыше которой он не принимал никакого участия. А что будет завтра... да какая разница! Завтра будет только завтра.

069

Я думал, глядя в невысокое сизое небо, что ничего не жду от будущего, что мне сейчас, пожалуй, никто не нужен, да и

сам я не нужен никому. Никто, нигде меня не ждет, никто нигде не страдает из-за моего отсутствия, никто ничего от меня не требует. Все мои искания, желания, надежды где то в далеком, далеком прошлом. Ничего, по большому счету, из того, чего я когда то страстно желал, не случилось. И уже не случится. Будущее же было неведомым, но неожиданно радостным, ибо зависело лишь от меня, от моих знаний и умений, от моего желания, терпения и настойчивости.

Постепенно я вновь погружаюсь в сон.

Когда проснулся, солнце уже клонилось к западу. Туман пропал без следа. Даль ясна и отчетлива. Ни малейшего дуновения ветерка. Осторожно приподнялся на руках и огляделся по сторонам, лодок не видно. Видимо действительно мои спасители решили не устраивать погони. Я по прежнему чувствую вину перед этими людьми. Перекусив, взялся за шест, определив продолжить двигаться в том же направлении. По моим расчетам именно там стоило искать противоположный край моего обширного болотного царства.

Солнце осторожно касается горизонта. Свет степенно отесняется тьмой. Но вскоре из болот всплывает Луна и вновь становится светло. Если и никак днем, то вполне достаточно, чтобы видеть ближайшие окрестности и путь пред собой. Небо украсилось густой россыпью звезд. Немного полюбовавшись Млечным Путём (за зиму я отвык от звездного неба), нашел ковш Большой Медведицы, затем Полярную звезду и двинулся напрямиком к ней.

Плыл всю ночь, не встретив сколь нибуть значительных клочков суши. Уже под утро, чувствуя сильное изнеможение, позавтракал и, заякорив своё судно, вновь улегся спать.

Проснулся опять засветло. На всякий случай внимательно огляделся окрест – горизонт по-прежнему пуст и безлюден. Подумав, решил, что сейчас уж не будет большой беды, если я стану двигаться и днем.

Вдали виднелись несколько островков различной величины. Временами я подплывал то к одному из них, то к другому, но все они не устраивали меня либо своими небольшими размерами, либо скудостью растительного покрова. Несколько раз возникало даже желание вернуться на свой остров, такой обжитой и такой родной. Охотники наверняка уже покинули мои владения. Но, во-первых, я сейчас вряд ли его найду, так как совершенно потерял ориентацию среди безграничной водной целины. Во-вторых, я вовсе не был уверен, что не подвергнусь еще одной спасательной операции и на этот раз более успешной и буду водворен в людское сообщество в принудительном порядке.

На третий день путешествия стало казаться, что вода начинает спадать. Её уровень медленно, но явственно понижался. Приходилось все чаще и чаще огибать мели и небольшие, покрытые мокрой жухлой травой островки.

Наконец, ближе к вечеру четвертого дня моей вынужденной одиссеи, я увидел в наступающих сумерках огромную темную массу, покрытую шапкой густого леса. Если это и

был остров, то размерами он значительно превосходил мой прежний. Пристав к берегу уже затемно я сразу развел большой костер, натаскав валежника от начинавшейся метрах в двадцати от воды опушки леса. Я не знал, есть ли тут опасное зверье. Да и остров ли это вообще? Накопившаяся усталость притупляла чувство опасности. Утром всё выясню. Мне непременно необходим отдых. Отдых на твердой земле. Еще одну ночь на плоту я попросту не вынесу. Не было сил даже отужинать перед сном. Бросив прямо на землю несколько циновок и кинув на них шкуры, укрывшись одной из них, я тут же забылся тревожным беспокойным сном.

Глава 2

Ночью я несколько раз вскакивал и принимался с диким видом озираться по сторонам, не понимая, где нахожусь. Затем, успокоившись, вновь падал на шкуры и засыпал.

Окончательно проснулся от пробиравшего меня холода. Солнце только-только вынырнуло из воды и было еще мокрым и холодным. Костер погас. Я находился на пологом, покрытом сухой колкой травой склоне. Буквально шагах в тридцати начинался сосновый бор. Дрожа, собрал валежник и раздув несколько оставшихся на пепелище угольков развел большой костер, рассудив, что исследовательские работы могут и подождать, необходимо сначала согреться. Когда огонь запылал, я набрал в свой недавно обретенный котелок воды и подвесил его на длинной жердине над костром. К тому времени, как закипела вода, я несколько согрелся (надо бы побегать по берегу, подумал с тоской, но уж очень не хотелось отходить от огня). Бросил в бурлящую воду горсть сушеного кипрея. Затем, сняв котелок с огня и дав чаю немного настояться, зачерпнул густую коричневую жидкость кружкой, которая в отличии от прочего похищенного мною имущества была мне подарена, и с удовольствием, вытягивая трубочкой губы, осторожно втянул в себя обжигающий напиток, тут же отозвавшийся по всему телу приятным теплом. Я даже немного пожалел, что не взял с собой сахара,

но совесть восстала против таких мыслей и, устыдившись, я отринул крамольную мысль прочь.

Выпив три кружки, первую – торопливо, обжигаясь, последнюю – не спеша, растягивая наслаждение, ощутил себя абсолютно довольным жизнью. Вместе с теплом вернулось хорошее настроение, но и проявил себя пустой желудок. Решив еще на полчаса отложить исследование вновь приобретенных территорий, достал кусок подвяленной кабанятины и, нарезая её небольшими ломтиками и нанизывая на прут, принялся поджаривать над углями. Осторожно, чтобы не просыпать ни единого кристалла, подсаливал дымящееся мясо и с наслаждением поедал его. Случайно опустив руку в карман шинели, обнаружил там черствую краюху черного хлеба, которую видимо недоев, сунул туда накануне побега. Это был царский пир. В меру подсохший хлеб, горячее мясо, чай, которого я осилил еще пару кружек! Затем, отвалившись на спину, позволил себе выкурить две сигареты из своего скудного запаса. Это ли не счастье?!

070

Наконец, окончательно насытившись и согревшись, сложив свое небогатое имущество на плоту на случай экстренной эвакуации и отведя его на метр от берега, прихватив нож и один из топоров и, чувствуя себя вооруженным с ног до головы, отправился в путь. Решил идти не берегом, а двинуть-

ся напрямки, лесом. Надо как можно скорее определиться с тем, куда же меня занесла судьба – на остров ли, либо я нахожусь у края материковой тайги.

Сосновый бор чист и весел. Поднявшееся высоко солнце просвечивает его насквозь. Легко шагаю меж ровных и одинаковых как телеграфные столбы светло-коричневых стволов.

Весьма отлогий подъем вскоре заканчивается и я выхожу к краю большой светлой поляны. Вдыхаю полной грудью напоенный весенними ароматами воздух. Земля устлана ковром прошлогодней мятой травы, сквозь которую начинает уже пробиваться свежая зелень. Миновав поляну и небольшую лиственную, в основном березовую, рощицу, вновь вхожу в бор. Шагов через полтораста сквозь плотный строй золотистых сосновых стволов справа от меня неожиданно проступает довольно крутой, покрытый дерниной земляной склон холма. Близкая плоская верхушка его едва на метр возвышается над окружающими деревьями. А еще через полсотни шагов слева серой полосой проявляется второй холм. Этот явно ниже, не более пяти – семи метров, но обращен ко мне отвесной стеной скалистых обрывов. Впрочем и склон правого холма уже становится столь же обрывистым.

Метров двести иду по постепенно сужающемуся коридору, противоположные стены которого сходятся все ближе и ближе. И когда они практически стискивают меня меж собой, сблизившись на расстояние менее метра, перекрывая

небо над головой, и я уже, с трудом пробираясь по заваленному камнями дну ущелья, думаю не следует ли повернуть обратно, за небольшим поворотом мрачные стены неожиданно пресекаются... Я вынырываю из каменной щели, оказавшись напрямик в гуще светлого березового леса. Отхожу, продираясь сквозь кусты, шагов на двадцать и оглядываюсь. Оба холма обращены в эту сторону живописными неприступными каменными обрывами, рассеченными меж собой узкой вертикальной щелью, сквозь которую я только что и проник сюда. Обрывы хоть и не столь высоки, вряд ли даже метров восьми – десяти, но совершенно отвесны, отчего производят впечатление дикое и кажутся гораздо большей высоты, нежели на самом деле.

Переведя дух и, не без удовольствия, полюбовавшись на свои собственные Альпы, отправился дальше. Березовый лес с редкими вкраплениями ольхи, клена, кустов рябины, боярышника, небольшими группками, по два – три дерева, елей и даже, кажется, лип (хотя в последнем я не уверен), тянулся на несколько сот метров по совершенно плоской равнине. Временами пересекаю крошечные, заполненные недвижимым душным воздухом солнечные полянки.

Метров через триста уровень почвы стал слегка понижаться и вскоре дальнейший путь мне преграждают кусты шиповника, сплошным спутанным валом уходящие в обе стороны. Не без труда продравшись сквозь колючие заросли, я очутился на краю песчаного обрыва, чуть не свалившись при

этом с него. Внизу, метрах в трех подо мной плескается черная вода. Вдали ясно различим противоположный берег, вытянувшийся на сколько хватает глаз. Он сплошь покрыт тайгой. Судя по всему, это и есть край болота. Я действительно на острове, что меня полностью устраивает. Кроме того не без удовольствия отмечаю, что пространство между островом и противоположным берегом представляет собой чистую водную гладь. Это уже не болото, а настоящее озеро. Надо будет обязательно соорудить либо легкий плот, либо лодку, для охотничьих вылазок на материк. Ну до этого еще далеко.

В великолепнейшем расположении духа, определив, что берег материка находится от острова примерно на востоке либо северо-востоке, двинулся в правую сторону вдоль кромки обрыва. Вскоре кусты шиповника, подходившие чуть ли не к самому обрыву, остались позади и идти стало гораздо легче. Не было больше необходимости тесниться у самой кромки, рискуя полететь вниз и искупаться в холодной воде.

Пройдя с километр или около того, заметил, что уровень почвы вновь понижается, временами даже небольшими уступами. Белые березовые стволы справа сменились зеленоватыми осиновыми, а затем совершенно неожиданно для меня, настоящими тополями. Еще шагов через пятьсот вышел к краю земли... Дальше берег теряется в воде. Вдали из неё торчат лохматые макушки кочек, словно взлохмаченные го-

ловы погрузившихся на дно великанов. Там, очевидно, начинается настоящее болото.

И спереди, и слева, и справа от меня – вода.

Я стою на самом краю длинной узкой косы. По правую руку глубоко в остров вдаётся залив. Припомнилось слово – лиман. На противоположной стороне его, метрах в двухстах, оконечность другой такой же косы, поросшая березами, осинами и небольшими пяточками-кущами ив с приникшими к самой воде голыми ветвями. Деревья еще не покрылись листьями и дальний лесок во многих местах просвечивает насквозь. Скорее всего, противоположная коса уже той, на конце которой стою я, шириной в средней своей части едва ли более сотни шагов.

071

Берега обеих кос со стороны залива обращены к нему крутыми, но не обрывистыми склонами высотой от метра до двух-трех. У самой воды неширокий, окаймляющий подковой весь залив песчаный пляж, прерываемый лишь устьем залива да местами перечеркиваемый поперек зарослями ив. Не спеша двигаюсь по песку, держась у самой воды. Песок хоть и сыроват, но вполне плотен и отлично выдерживает мой вес. Вода в заливе чиста и даже прозрачна. Гораздо прозрачнее, чем в протоке на моем старом острове, с каким-то приятным глазу легким желтоватым оттенком. Твер-

дое плотное песчаное дно, освещенное солнечным светом, хорошо просматривается на глубину, пожалуй, метров двух. У самого берега весело снуёт рыба мелочь. Подальше, у дна, спокойно и вальяжно прогуливаются экземпляры посolidнее. Временами рыбы стайки пронзает тень, поднимая со дна облачка мути. Рыбешки, словно искры потревоженного костра, рассыпаются в стороны. Но уже через мгновенье снова беззаботно суетятся на солнечном мелководье. Да! Этот остров был для меня просто подарком судьбы. Находкой! Удачей! Везеньем! Как ни назови, всё будет верно. Когда же в самой глубине залива, на большой поляне между берегом и лесной опушкой, я обнаружил еще и протекающий по мелкому овражку ручеек с холодной водой, впадающий в залив, я пришел в такой восторг, что затыкнул во все горло песенку по принципу «что вижу, то пою».

Вторую косу я исследовать не стал, пересекши её у самого основания, выйдя метров через двести к берегу, на котором высадился накануне. Пройдя еще с полкилометра к северу, оказался у своей временной стоянки. Плот полностью лежит на суше, вернее на толстом слое ила, хотя когда я утром покидал его, он был еще на плаву. Но меня это ни сколько не беспокоило, так как он выполнил своё предназначение и больше мне не нужен. Перетащив все свое имущество подальше от берега и, подумав, что исследование северной части острова, а так же его внутренних областей можно и отложить на некоторое время, решил, что сейчас стоит

вплотную заняться оборудованием стана для ночлега.

072

На этот раз предо мной уже не стоит вопрос элементарного выживания. Я выжил. У меня был шанс вернуться домой, к людям, однако я им не воспользовался, приняв иное решение. Решение о том, что мой дом теперь здесь, среди таежных болот. И в этом решении я не только не раскаивался, но еще более укрепился. Здесь, на этом самом острове, я буду не выживать, я буду здесь жить. Соответственно и жизнь свою я должен с самого начала обустраивать крепко и основательно, в расчете на долгие годы. Я должен создать самодостаточное натуральное хозяйство, настоящий крестьянский хутор, который будет и кормить меня, и одевать и с которым я не буду зависеть ни от капризов природы, ни от иных превратностей судьбы. Не буду ни голодать, ни мерзнуть. Не заскучаю от однообразия. Не буду жалеть о принятом решении.

Первым делом необходим дом. Ни шалаш, ни землянка, ни чум, а настоящий теплый и сухой дом с печью. В общем-то вопрос о том, какое это будет жилище, населением практически и не обсуждался. У населения теперь имеются два настоящих стальных топора и возведение сруба – единственно разумное решение.

С тем, где лучше разместить усадьбу, можно будет определиться лишь после беглого обследования острова что бы

иметь хотя бы поверхностное, в общих чертах понимание того, где и что в моих новых владениях имеется. Более тщательное исследование территории я оставлю на потом, когда несколько обживусь на новом месте. Сейчас же необходимо соорудить простой шалаш, в котором смогу спокойно, ничего не опасаясь провести ближайшую ночь – две. Неизвестно, водятся ли на острове опасные для меня животные. Конечно, вряд ли они здесь были, но, как говорится, береженого бог бережет.

За несколько часов я смастерил двускатный шалаш, gusto укрыв его сосновыми ветвями. Насколько же быстрее шла моя работа теперь, когда в руках моих имелся хороший металлический топор! То, на что раньше я потратил бы несколько дней, сейчас заняло едва два-три часа.

Строительство завершилось еще засветло разведением небольшого уютного костерка перед входом. Довольный собой, и, смею сказать, чувствуя себя вполне счастливым, поужинал сваренной в котелке жиденькой гречневой кашей с брошенной туда горстью мелко порезанного вяленого мяса, после чего с чистой совестью завалился спать.

073

Весь следующий день посвятил продолжению ознакомления с островом. С утра пораньше отправился вдоль берега, на этот раз в северном направлении. Кстати, после спа-

да воды обнаружил, что часть острова, на которой я высидился, выходит прямиком на болотную топь с раскиданными по ней большими мшистыми кочками-островками и небольшими окошками воды между ними. К лету кочки прорастут свежей травкой, а озерки затянутся тиной. Болото превратится в веселенький с виду зеленый лужок, терпеливо поджидающий редкую здесь и потому особенно желанную жертву. Промедли я еще дня два-три, то добраться до этого острова на плоту я бы определенно не смог. Скорее всего я сел бы на мель среди болот и мне пришлось бы, бросив почти все свои пожитки, добираться до ближайшей суши пешком, ежеминутно рискуя оказаться затянутым трясиной.

Довольный тем, что все так хорошо обернулось, я шел, опираясь на березовую трость, так как сильно натруженная за последние дни нога вновь давала о себе знать тупой тянущей болью. Медленно продвигаясь вперед, обходя разномастные буераки, через час-другой вышел к северной оконечности острова. Передохнув на небольшом бугорке, пошел дальше. Северный берег так же выходил на болота, но здесь вдоль него тянулись еще и густые заросли тростника, камыша и рогоза, а редкие прогалины между ними покрыты колышущимися полями осоки. Берег, по которому я хромал, несколько раз подскакивал вдруг небольшими, примерно метровыми ступенями. Поверх каждого такого уступа, на сотню-другую метров тянулась равнина, заканчивавшаяся очередным уступом с обрывистым, местами обвалив-

шимся краем. Тянувшийся справа от меня лес, то далеко отступал от берега, то вплотную льнул к нему, образуя разделенные между собой живописные мирки. В результате, когда я наконец добрался до восточной окраины острова, то оказался на краю трехметрового обрыва, виденного мною накануне. У подножия обрыва по-прежнему плескалась темная вода, несмотря на то, что уровень её за последние сутки значительно спал. Очевидно в этой части острова озеро подходило к берегу значительными глубинами.

Шествуя вдоль берегового обрыва, я с интересом наблюдал, как меняется местность справа от меня. Вот между двумя березово-осиновыми рощами виден край соснового бора, высывающийся между ними словно густо зеленый язык. А дальше, среди сосен возносится ввысь верхушка большого конического холма, похожего очертаниями на гору Фудзи. Вновь черед рощ, перемежаемых небольшими полянами, каждая из которых по-особому чем-то примечательна. Вот, среди голых безлистных крон замелькал край длинного скалистого обрыва. Где то там мрачное ущелье, так напугавшее меня вчера. Это невысокое плоскогорье значительно ниже «горы Фудзи», но гораздо больше её по площади. К полудню я оказался на том самом месте, куда вышел накануне.

Судя по всему мои новые земли были не в пример обширнее старых. В поперечнике остров был едва ли менее полутора километров в самой своей широкой части, а в длину никак не менее четырех. А то и всех пяти. С южной стороны, как

я уже отмечал, в него глубоко вдавался залив, образующий полузамкнутый водоем с чистой водой. С севера и запада к берегам вплотную подходят болота. С восточной – озеро, за которым виден окраинный берег этого обширного болотного массива. С южной, между выходом из залива и лохматыми болотными кочками – значительная полоса свободной воды.

В центральной части острова, вытянувшись почти на одной линии, располагались три упомянутых мною ранее холма, два из которых, с плоскими верхушками образовывали некое подобие плоскогорья. Третий, самый северный – метров до двадцати – двадцати пяти высоты, с конической, слегка закругляющейся вершиной. Между двумя первыми я прошел накануне, третий же стоял особняком, никак не соединяясь со своими собратьями.

Весь остров густо покрывали сосновые, березовые, осиновые леса с вкраплениями деревьев иных пород: елей, тополей, ив, ольхи. Видел даже несколько лип. На многочисленных лесных лужайках и полянках разбросаны кусты рябины, черемухи, малины, смородины, боярышника, еще каких-то неизвестных мне растений. Свежая трава своей зеленью еще не покрыла землю и сейчас трудно пока судить о её видовом составе. Наверное здесь были и традиционные для этих мест лесные и болотные ягоды. Я так же, пробираясь низким, западным берегом, обнаружил устья нескольких небольших ручейков. Два из них, правда, были сухими, прочие же жизнерадостно журчали. Хлебнув из каждого водицы, убедился

в её полной пригодности для питья. По острову там и сям разбросаны приличных размеров поляны, вполне подходящие для обустройства на них огородов. Я твердо рассчитывал завести здесь картофельную плантацию.

Еще несколько дней ушло на обследование внутренних областей острова в поиске наиболее удачных мест под будущей поселок. Из пяти-шести приглянувшихся первоначально мне мест я, наконец, остановил свой выбор на большой ровной лужайке в основании открытого мной ранее залива. Она имела все возможные преимущества перед другими и устраивала меня практически во всех отношениях. Продолговатое, ровное, вытянувшееся вдоль берега залива, покрытое невысокой ровной травкой поле, больше похожее на поле для гольфа, к тому же предоставленное значительную часть дня солнечным лучам. Окружающие её с трех сторон лесные заросли гарантировали великолепную защиту от пронзительных осенних и зимних ветров. Близость лесной опушки позволяла не беспокоиться о запасах дров и строительного материала. Расстояние от леса до берега около полусотни метров. Удобный, несколько крутой, но не обрывистый спуск к воде. У самой воды великолепный песчаный пляж в три-четыре метра.

Не по центру, а несколько ближе к основанию западной косы, поле пересекается неглубоким, знакомым мне по первому путешествию овражком с протекающим по его дну ручьем. Верховья оврага теряются в чаще леса.

Если, следуя руслу ручья, пересечь поляну и углубиться в лес, то метрах в трехстах от опушки, у самой подошвы отлогого здесь южного склона ближайшего холма, можно обнаружить обширную поляну. Она как нельзя более пригодна и по своему местоположению, и по размеру, и по защищенности от ветров, для запланированной мною картофельной плантации. Да и других насаждений, которые я собирался произвести в будущем.

Глава 3

074

К облюбованной под усадьбу лужайке менее чем за день перетащил все свое имущество. Сделал это в три этапа. Первым делом носил вещи частями вдоль берега и складывал у основания косы. Потом таким же образом через косу на лужайку, к оврагу. И в завершение, закатав по колено штаны, переправил через овражек. Передохнув, соорудил в нескольких шагах от склона овражка, с восточной его стороны, шалаш. Это сооружение практически являлось точной копией возведенного ранее на месте высадки, но значительно больших размеров, так как мне предстояло прожить в нем ни как не менее месяца, пока не будет готово основное жильё.

Между прочим, я с беспокойством обнаружил, что запасы продуктов начали истощаться с катастрофической быстротой. Не помогло даже то, что на второй день после высадки на остров я перешел сначала на двухразовое питание, а затем стал вообще только ужинать перед сном, иначе голодный желудок попросту не давал уснуть. И хотя за последние две трети года я стал весьма умерен в еде и довольствовался по настоящему малым, все же призрак голода вновь замаячил на горизонте. Я уже всерьез задумывался над тем, не при-

дется ли съесть драгоценный запас картофеля. Лишь мысль, что в этом случае придется навсегда распрощаться с мечтой о его разведении, удерживала меня.

В заливе, судя по многочисленным всплескам, явно водилась рыба. Но пока стояла высокая вода, поймать мне её никаким образом не удавалось. Когда же вода пошла на убыль, я, нарезав лозы в ивовых зарослях, сплел с десятков ловушек – вершей. Затем из трех поваленных сосновых бревен соорудил небольшой маневренный плотик и рассовал ловушки по всему заливу, что бы определить наиболее уловистые места водоема, нащупывая при этом шестом глубину и стараясь найти перепады глубин, так как знал, что большинство рыбьего народа держится именно там. Каждую ловушку отмечала торчащая из воды верхушка шеста, служившая для неё, к тому же, якорем. Перед устьем каждой устанавливал в ряд две – три плетенки-направляющие, что бы добыча шла туда, куда надо, то есть напрямиком в утробу длинной ивовой корзины.

Уже на следующий день в половине ловушек обнаружил улов. Может он и не был столь богатым, как я ожидал, всего по одной – две – редко три рыбки, но дал мне повод успокоиться в отношении своего пропитания и приступить, наконец-то, к постройке дома.

На новом месте приходилось начинать свое обустройство практически с нуля. Но на этот раз я строил не временное убежище, а настоящий жилой дом. Решил, что избушка будет состоять из одного теплого помещения, к которому затем прилажу сени-кладовую, соединенную, в свою очередь, с небольшим входным тамбуром. Таким образом, жилище мое не будет ни вымерзать в зимнюю стужу, ни перегреваться в летний зной. Найдя, как уже говорил выше, подходящее ровное место, которое явно не затапливалось по весне, я расчистил от дерна площадку размером четыре с половиной на три метра. Прокопал по периметру её неглубокую канавку. Затем, натаскав от обнаруженной у обрывистого склона ближайшего из холмов каменной осыпи булыжников, какие только было мне по силам снести (здесь на помощь вновь пришли сани-волокуши, которые я широко использовал на своем первом острове), я добросовестно выложил нечто вроде фундамента под будущий сруб. На эту работу затратил ровно неделю. Конечно можно было и не утруждать себя обустройством фундамента, бросив бревна первого ряда прямо на землю, как часто делают в деревнях. Но в большей степени именно от наличия и качества фундамента, а также от крыши, зависит долговечность постройки, так что не думаю, что впоследствии пожалею о потраченных усилиях.

Особенно тяжело мне далось устройство нижнего или, как говорят в наших краях, «окладного» венца сруба. Это основа всего дома и сработана она должна быть надежно и добротно. Было бы неплохо пустить на него водостойкую листовенницу, но к тому времени я не обнаружил деревьев этой породы в разумных пределах от места строительства. Тогда я остановился на сосне. При этом ствол решил взять потолще, не менее тридцати сантиметров в диаметре. Найдя пару подходящих деревьев, повалил их, обрубил верхушки и разделил каждое на две части. Полученные бревна, два из которых имели длину в четыре с половиной метра и два – в три, с огромным трудом переволок к месту строительства. К счастью необходимые по размеру деревья нашлись буквально в считанных метрах от площадки и я смог докантовать бревна с помощью простейшего рычага из ствола молодой сосенки. На все это мною было потрачено четыре дня тяжелейшего напряженного труда.

Еще два дня ушло на размещение и закрепление по месту двух длинных бревен оклада. Вырубил топором у противоположных концов до половины диаметра выемки – «чашки», под поперечные бревна. Разместил в них концы более коротких бревен, добиваясь их плотного прилегания друг к другу. Отходя в разные стороны, убедился, что получился ровный, аккуратный, пахнущий свежей смолой прямоугольник. Заранее решил, что чашки буду «выбирать» с верхней стороны бревен, что сильно упростит и ускорит работу.

После того, как в результате титанических усилий получился отличный, крепко связанный окладный венец, я продолбил по периметру вдоль всей верхней поверхности неглубокий, овальный в сечении паз, что бы следующее бревно прилегало к предыдущему более плотно.

Почувствовав, что совершенно обессилил, я позволил себе два дня отдыха.

076

Нежданные выходные посвятил прогулкам по острову, во время которых, между прочим, обнаружил явные следы присутствия на острове зайцев: свежие шариком помета, характерно подранная кора на молодых березках и осинках, явно погрызенные тонкие веточки на кустах. Это открытие весьма обрадовало меня! Надо будет изготовить крепкие шнуры и соорудить простейшие самоловы. Другой крупной живности, за исключением птиц, я на острове пока не нашел. Вообще вести охоту в основном планирую, переправляясь на материк, для чего свяжу легкий, но вместительный плот. Я даже уже вынашивал планы устройства в моих будущих таежных угодьях системы постоянно действующих ловушек с ловчими ямами и простейшими загонными оградами из жердей, тянущихся на десятки метров. Такие ловушки достаточно проверять раз в несколько дней, выбирая попавшуюся в них добычу. Это позволит не только регулярно пополнять

запасы свежего мяса, но и восполнять весьма необходимый, быстро тающий «шкурный» резерв. Но пока что это лишь приятные фантазии. Сегодня же предо мной стоят более насущные проблемы.

077

После кратковременного отдыха, восстановив силы в немалой степени благодаря улучшившемуся за счет свежей рыбы рациону, вернулся к постройке дома. Решил действовать планомерно. Высчитав, что для нормального, полноценного сруба необходимо заготовить бревна для одиннадцати-двенадцати венцов, каждое диаметром около двадцати сантиметров (так как более толстые попросту не смогу доставить к месту строительства), я стал обходить ближайшие окрестности и искать подходящие по размерам стройные сосны. Найдя нужное дерево, валил его и сразу разделял на необходимого размера бревна. Как правило из одного ствола получалось два бревна – пяти с половиной и трех с половиной метров. Правда из иных удавалось выкроить лишь одно – мешали начинавшиеся низко ветви, а я старался, чтобы бревна мои были очень ровными и гладкими, без каких либо намеков на сучки и прочие изъяны.

На заготовку двадцати четырех длинных бревен и двадцати двух коротких ушло десять дней упорного труда. Затем, передохнув денёк, стал перетаскивать их к месту будущей

стройки. И если с короткими бревнами я справлялся довольно легко, то длинные доставили мне массу хлопот. Дровесина была уже сырая и, потому, очень тяжелая. По-хорошему бревна для сруба надо заготавливать зимой, когда стволы максимально свободны от влаги, но я, по понятным причинам, лишен этой возможности – зимой меня здесь попросту не было.

Как ни пытался я, ухватившись за один конец бревна, протащить его хоть несколько метров, с огромным усилием оторвав от земли, оно выскальзывало из рук и тяжело падало к моим ногам, чуть, пару раз, не переломав их. В конце концов догадался вырубить четыре полуметровых чурбака диаметром сантиметров по десяти и подкладывая их под бревно, катить его на этих импровизированных катках. Правда это на словах звучит красиво и просто, на деле же и при таком методе транспортировки приходилось преодолевать множество трудностей. Главное, вовремя перемещать освобождающийся позади чурбак вперед и не допускать, что бы бревно скатывалось с катков в стороны. Постоянно приходилось равнять почву на пути движения, срезая небольшие кочки и вырубая торчащие корни, что сильно утяжеляло и без того нелегкий труд. Так как все бревна были предусмотрительно заготовлены мною на расстоянии не более двух сотен метров от места строительства, то за день успевал приволочь три-четыре, иной раз пять бревен. Чтобы помочь себе, временами начинал во всю головушку отчаянно горланить песни. Ни

одну из них, правда, допеть до конца не мог, так как уже стал забывать слова, но смело замещал их тем, что приходило в голову. Иной раз, к моему стыду, это были и не совсем литературные обороты речи, особенно когда каток снова и снова прищемлял мне ногу. Из «Дубинушки» помнил только «эх, дубинушка, ухнем!». Я представлял себя бурлаком, тянущим баржу вверх по течению.

Наконец и этот поистине титанический, никем не воспетый, но достойный считаться четырнадцатым подвигом самого Геракла, труд был завершён.

Несколько дней ушло на чистку стволов от корья. Во-первых, неочищенное бревно уже через пару лет начнёт активно гнить. Во-вторых, в избушке из таких бревен не будет переводиться сырость, что вряд ли доставит кому бы то ни было удовольствие.

078

С огромными усилиями втащил два длинных бревна на готовый венец сруба. Тщательно подогнал по месту, разместив концы в вырубленных чашах, предварительно плотно набив продольные канавки нижних бревен влажным мхом, загодя натасканным из лесу. Мох нужен именно влажный, так как он не только не ломок, но с ним и сподручнее работать. К тому же просохнув, мох превращается в некое подобие герметичной замазки, не оставляющей между бревна-

ми ни единой щели. А высохнет он быстро, вместе с самими бревнами. Затем на уложенных бревнах вырубил чашки и протесал продольные канавки. Укладка двух поперечных, более коротких бревен далась несколько легче. Сравнительно «несколько».

За первый день смог уложить лишь один венец. При этом, учитывая небольшое уменьшение диаметра бревен в сторону бывшей верхушки дерева, я размещал два противоположных бревна в одном венце нижними, комлевыми концами в одну и ту же сторону. Бревна следующего над ними ряда, чтобы сруб не перекошило, намеревался размещать комлевыми концами в противоположную сторону. И так далее. Кроме того, прежде чем опускать очередное бревно по месту в вырубленные чашки, я внимательно исследовал его торец, стараясь уложить так, чтобы та сторона ствола, которой дерево росло к северу и где годовые кольца прилегали друг к другу наиболее плотно, оказывалась снаружи сруба. Таким образом, стены моего будущего дома смогут гораздо лучше противостоять намоканию извне, и, одновременно, лучше держать тепло внутри помещения.

Чем дальше шло строительство, тем больше сноровки у меня появлялось. Уже на следующий день я уложил полтора венца, а далее складывал даже по два за день. Правда после четвертого ряда возникла проблема с подъемом очередных бревен на растущий сруб. Но я быстро нашел выход и из этой ситуации – изготовил два длинных, диаметром около деся-

ти сантиметров хлыста. Выбрал топором у более тонких их концов поперечные выемки. Затем разместил этими концами на верхнем бревне готовой части сруба. Противоположные концы хлыстов свободно лежали на земле. Нарубил по верхнему краю каждого из этих двух наклонно лежащих бревен множество неглубоких поперечных зарубок – ступенек на расстоянии сантиметров десяти одна от другой.

Подтащив с помощью рычага очередное бревно к основанию наклонно лежащих хлыстов, я начинал осторожно перемещать его вверх. Сначала поднимал на одну-две ступеньку левый край и закреплял его там веревочной петлей, подперев для надежности шестом. Затем таким же образом приподнимал правый. И так до самого верха. Вскоре эта процедура уже проходила у меня вполне ловко и споро, так что я тратил на подъем очередного бревна не более получаса.

Когда я уложил по месту короткие бревна третьего ряда и прижал их концы поперечными длинными следующего, я вырубил по центру одного из коротких, с той стороны, что смотрела в сторону залива, кусок под будущий дверной проем на ширину, немногим больше ширины своих плеч. То же самое я сделал и с бревном четвертого ряда с этой стороны. Бревно пятого венца оставил не тронутым, чтобы не ослабить еще не окрепший сруб. Следующий, т. е. шестой венец, так же был прорублен в этом месте. Седьмое осталось целым, а в восьмом и девятом – прорублены отверстия. Сверху легли бревна двух последних венцов. Убедившись, что сруб

крепок и надежен, смело перерубил два оставленных в дверном проеме бревна.

Кроме того в длинной стене, выходящей во двор будущей усадьбы, я устроил оконный проем шириной сантиметров тридцати и высотой в два бревна, перерубив среднее полностью, а нижнее и верхнее от него только до половины.

В двух остальных стенах – короткой со стороны леса и длинной, со стороны овражка, проделал по одному небольшому отверстию на уровне глаз, выбрав на половину толщины выемки в двух смежных бревнах. Получились крошечные оконца-бойницы шириной и высотой сантиметров по десяти, которые я планировал затыкать деревянными пробками и использовать для вентиляции а, в случае необходимости, и для обзора.

Время от времени я отходил в сторонку и внимательно осматривал растущий сруб с разных сторон, контролируя, чтобы стены были ровными и не заваливались ни в одну, ни в другую сторону. Я так тщательно подгонял каждое бревно по месту и выверял каждую операцию, что сруб получался на загляденье ладным и крепким.

К исходу десятого дня от начала укладки первых бревен сруб был готов полностью. Это было отличное сооружение из плотно пригнанных, без малейшего намека на щели между ними, оструганных топором до золотистой белизны бревен, расточавшее по сторонам невероятно приятный запах. Сам же я к тому времени густо покрылся пятнами смолисто-

го соснового сока. И если стереть с кожи его еще как то удавалось, то в одежду он въелся намертво, на всю её оставшуюся жизнь. Да и из волос смола удалялась только с их клоком, так как растворяться в воде смола решительно отказывалась.

С берега натаскал в берестяном коробе чистого светло-желтого песка и усыпал им пол слоем сантиметров в двадцать, хорошо проливая водой и плотно утрамбовывая. Впоследствии застелю пол плетеными тростниковыми циновками, так что комфорт в моей избушке будет наивысшим.

Теперь оставалось соорудить крышу, изготовить дверь, а так же пристроить сени – кладовку. Но так как, согласно моего календаря, наступила середина мая, земля покрылась свежей зеленой травкой, а деревья молодой изумрудной листвой, настала пора приступать к давно задуманному и очень важному для меня мероприятию, от которого в немалой степени зависело дальнейшее моё благополучие – посадке картофеля.

Глава 4

079

Известно ли тебе, читатель, когда следует приступать к посадке картофеля? И мне, как городскому жителю, по крайней мере в четырех ближайших ко мне поколениях, это так же абсолютно не известно. Да, честно говоря, до того времени этот вопрос меня никогда ни в малейшей степени и не интересовал. Для меня картошка круглый год росла в магазине прямо в пластиковой сеточке с приклеенным ценником. И как всегда на помощь мне пришла моя память. Все-таки удивительно сколько, оказывается, храниться в наших головах. Сколько, казалось бы, не нужного хлама (как говаривал Холмс).

Знания, к которым мы не прибегаем в повседневности и о наличии которых даже не подозреваем, вдруг выныривают откуда то из самых глубин, готовые по первому нашему требованию придти на выручку. Вот и сейчас, пред моим внутренним взором всплыла картинка. Некоторые из моих коллег по работе, по мере приближения праздничных майских дней, из года в год принимались вдруг жаловаться, что их жёны, тёщи, тести и прочая нечистая сила, окружающая их плотным кольцом, уже начали суесться и гото-

вить к неизбежному. А именно, к необходимости за день-два безвозвратно загубленных выходных стремительным кавалерийским наскоком произвести вскопку и рыхление земли, рытье в ней лунок и посадку в них картофеля. Как то наш завхоз Григорий Степанович, за рюмкой живительной влаги на дне рождения бухгалтерши Любочки, перемежая слова проклятиями и стенаниями о своей горькой участи и безрадостной жизни, вполне натурально живописал весь процесс посадки указанной сельскохозяйственной культуры и дальнейшего ухода за ней. Я как сейчас помню тот ужас, который стоял в глазах молоденькой Любы и чувство материнской жалости, проснувшейся в ней при одной только мысли о пережитых нечеловеческих страданиях сослуживца.

Именно этот монолог затюканного женой Степаныча сейчас вспомнился мне как нельзя кстати. Отталкиваясь от этих нетвердых эмпирических знаний по агротехнике пасленовых, я понял, что пришло и моё время заняться крестьянским трудом.

Я уже упоминал о присмотренной мною под огород солнечной полянке, расположенной у самого подножия ближайшего холма. Рядом пробегал ручеек, вдоль русла которого я и добирался туда, минуя по пути сосновый бор, небольшую тенистую полянку, крошечную березово-осиновую рощицу.

Первым делом с помощью березового кола я разрыхлил землю на площади чуть менее сотки. Готовое поле представляло собой квадрат с неровными корявыми сторонами мет-

ров по шести – семи. Дело это, вскопать целину, оказалось даже тяжелее, чем я представлял. Толстый дерновой слой состоял из спутавшимися, густо переплетенных корней самых различных трав. Поняв всю бесперспективность взрыхлить сам дёрн, я изменил тактику: разрезая плотный верхний слой на полосы, извлекал их и укладывал стопками по периметру будущего поля. Затем тщательнейшим образом разбил каждый комочек земли. Выполол всю набравшую уже силу траву, вытянул белёсые корешки. Стараясь создать наилучшие условия для картофеля, буквально сквозь пальцы еще раз перерыхлил землю. И только после этого приступил к посадке.

Пятнадцать из оставшихся в живых картофелин к тому времени покрылись побегами-корешками и я стал аккуратно разрезать каждый клубень на две, а что покрупнее, на три части тонким лезвием складного ножа, стараясь не обломить ни одного драгоценного побега. Взяв кол, проделывал острым концом в разрыхленной почве отверстия глубиной сантиметров пятнадцать, нежно, как дитя, укладывал в каждую лунку кусочек картофелины, присыпал её перетертой в руках землёй. Слегка её утрамбовывал и поливал водой. На предварительную обработку поля и посадку картофеля потратил четыре полных дня. Закончил работу тем, что хорошо еще раз пролил весь огород. В результате моя плантация покрылась сорока шестью небольшими влажными холмиками.

Я очень опасался за судьбу своей драгоценной плантации,

так как не знал – может ли кто покушаться на ростки картофеля и даже хотел поначалу огородить плантацию плетнем. Но потом, вспомнив, что никогда не видел, что бы в деревнях картофельные поля огораживали, также решил не делать этого. Насколько я помнил из уроков биологии ботва и ягоды картофельных кустиков вроде бы как даже ядовиты и не вызывают у грызунов никакого интереса. Лишь колорадский жук мог покушаться на ботву, но вряд ли здесь были эти полосатые бестии. Слышал еще о каких то таинственных медведках, но кто они и водятся ли здесь – я не знал.

С момента окончания посадки картофеля я непременно приходил на свою плантацию раз, а то и два в день и с замиранием сердца ждал, когда же проклюнутся первые ростки. С гневом вырывал любую травинку, осмелившуюся прорасти на моем поле. Подливал водички, если видел, что почва где-то становится излишне сухой. Разбивал вновь образовавшиеся комки земли и разминал их в ладонях. И каков же был мой восторг, когда однажды утром, в последних числах мая, придя очередной раз с инспекцией, я увидел в десятке мест по всему полю показавшиеся из-под земли первые робкие зеленые листики. Я холил и лелеял растущие кустики, подгребая ладонями под них, по мере роста, землю. Из сорока шести посаженных резаных картофелин проклюнулось тридцать восемь, что я счел вполне неплохим результатом. А когда через недельку показалось еще пять ростков, я был просто счастлив.

То, что после посадки картофеля я ежедневно ходил на «огород», вовсе не означало, что я забросил все прочие дела – я продолжал заниматься достройкой дома и рыбной ловлей. Соорудив из жердей каркас двускатной крыши, густо оплел еловым лапником, решив, что при первой же возможности необходимо покрыть крышу сухими тростниковыми вязанками, как это делается до сей поры в некоторых глухих небогатых деревушках, а так же на элитных хижинах миллионеров. Крыша получается теплой и водонепроницаемой. Пока же от нескольких прошедших коротких, но сильных майских ливней меня вполне добросовестно спасала и зеленая хвойная кровля. Конечно, зимой тепла она не удержит, но к тому времени я накрою её поверх лапника полотнищами бересты. На сооружение стропил, обрешетки и покрытие крыши лапником ушли остатки мая.

Из тонких, десятисантиметровых бревнышек я соорудил пристрой к срубам со стороны той его стены, в которой находился проем двери. Со стороны двора он выдавался за габариты основного сруба метра на полтора. Внутри сооружение делилось легкой стенкой с дверью на две неравные части. Больше по размеру помещение, собственно сени, куда непосредственно выходила дверь избушки, имело ширину два метра и глубину во всю ширину сруба. Второе, более

маленькое помещеньеице, так же соответственно в два метра ширины и глубиной в полтора, представляло собой нечто вроде тамбура, соединяющего уже сени с улицей. Дверь из тамбура на улицу я устроил сбоку. Она выходила к лицевой стене дома. В сенях, во всю их левую и заднюю глухие стены, навесил два ряда полок. Сени должны были выполнять роль моего оперативного склада, хранилища вещей, которыми я постоянно пользуюсь.

В тамбуре же намеревался хранить и изготавливаемые мной орудия труда, охоты и лова, а зимой лыжи-снегоступы, которые обязательно сплету.

Пристрой покрыл односкатной, умеренного наклона крышей из толстых сосновых жердей и больших листов бересты, прижатых поверху тонкими поперечными жердочками.

Неделя ушла на изготовление трех дверей. Главной трудностью при этом стало найти способ скрепления вместе отдельных их частей. Наконец, пораскинув мозгами, справился и с этой задачей. Даже изобрел нечто вроде деревянных петель. Конструкция получилась довольно громоздкой, но выполняющей свои функции вполне прилично. Наиболее тонкой работой явилась сборка и подгонка частей внутренней двери, так как она должна закрываться очень плотно и надежно, сохраняя тепло в доме. От внешней двери требовалось более крепости, чем герметичности, а двери между тамбуром и сенями были вообще скорее похожи на садовую калитку.

С окончанием строительства дома заботы по благоустройству усадьбы не только не прекратились, а лишь увеличились. Теперь необходимо изготовить печь (выходы подходящей на мой взгляд глины я обнаружил на западной косе). Сделать широкие нары-лежанку вдоль одной из стен комнаты. Пустить поверху стен комнаты по всему их периметру полки. На улице обязательно следует возвести лабаз, а то и два – один для мяса, рыбы и шкур, другой для растительных припасов. Надо соорудить приличное отхожее место (не бегать же все время в лес). Приладить к внешним стенам избушки две – три доски-скамейки, что бы с комфортом отдыхать от трудов праведных. Моей мечтой, которую обязательно воплещу в реальность к концу лета, была баня. Скидать небольшой сруб с печью каменной никаких проблем для меня теперь не представляло. На баню сгодятся бревна более короткие и тонкие, чем на дом. Вопрос упирался во время. Вот его то катастрофически на все не хватало.

Кстати, я продолжил практику, заведенную мной еще на своем первом острове – куда бы не пошел, хоть на сто метров от дома, обязательно возвращаться с охапкой дров. Таким образом, уже к началу лета образовался изрядный запас. Но как я уже знал – дров много не бывает! Под очаг отвел место у шалаша, обложив его камнями.

Еще не решил, буду ли устраивать вокруг своей новой усадьбы ограду, ведь и сам по себе дом был прекрасным и вполне надежным убежищем. Во всяком случае этот вопрос

не требовал принятия немедленного решения.

081

С конца мая мою жизнь сильно осложнила мошкара. А затем за меня принялись и комары. Я собирал пижму, имеющую очень сильный резкий запах, и, размяв её между ладоней, натирался выступившим соком. Помогало. То ли она действительно отпугивала гнус, то ли просто укусы становились не так заметны. Несколько букетов свежих пижмы постоянно держу в доме. Впрочем, вскоре я настолько привык к гнусу, что почти перестал обращать на него внимание, лишь лениво отмахиваясь от самых назойливых особей. Но в густую траву все же заходить не стоило, так как вверх немедленно поднимались тучи кровопийц. В безветренную погоду особенно было тяжело на воде. К счастью от входа в залив в сторону поляны обычно тянул легкий ветерок, делавший мое положение вполне терпимым.

К середине июня мошка почти исчезла, зато во всей красе развернулись комары, осаждавшие меня до конца июля, ослабив свой натиск лишь в августе и практически исчезнув к сентябрю. Днем же на солнышке начинали вдруг осаждать оводы или как говорят у нас – пауты. Та еще зараза! Стоило только зазеваться, как эта тварь норовила пребольно цапнуть, выкусив кусочек плоти, хоть и махонький, но не менее от того дорогой мне. Чтоб хоть как то снизить количе-

ство гнуса в округе, я изничтожил с помощью длинной палки все заросли густой травы в ближайших окрестностях. В общем-то количество комаров у дома заметно снизилось. Как то в июле в голову пришла замечательная, как мне показалось, мысль! Я принялся отлавливать по всему острову стрекоз, засовывая их в берестяной туесок, и выпускать у себя на усадьбе. Они действительно летали и кого-то там даже ели. Но, как я уже говорил, вскоре я настолько привык к комарам, что почти перестал обращать на них внимание и бросил это баловство с переселением стрекоз.

082

Пришла пора соорудить в доме длинную лавку-нары шириной порядка метра и длинной во всю левую стену и вплотную приступить к кладке печи из глиняных блоков.

Сооружение лавки заняло несколько дней. Свалил две сосны толщиной на высоте метра от корня около двадцати сантиметров. Вырубил из них четыре бревна длинной равной длине моей гостиной, тщательно произведя все замеры шестом. Основательно обтесал каждое. Укрепил одно из них на земле кольями, чтобы оно не перекатывалось с боку на бок. Аккуратно всадил топор сверху по центру бревна у самого его торца. После чего принялся лупить по обуху дубиной, пока от места проникновения лезвия по обнаженной поверхности древесины не поползла хорошо заметная тре-

щина. В трещину, у самого лезвия топора, вгоняю той же дубиной загодя заготовленный деревянный клин. Извлекаю топор, резко нажав на топорище, как на рычаг. Несколько раз ударяю обухом по клину, осаживая поглубже. Трещина с писком расплзается. Вставляю сантиметров через сорок очередной клин и ударяю по нему. Затем пару раз по первому и вновь по второму. Устанавливаю третий клин. Бью. Вновь по первому. По второму, по третьему. Трещина растет. Четвертый, пятый, шестой, пока бревно, с жалобным треском, не распадается надвое, цепляясь еще половинками друг за дружку отдельными щепами.

К концу второго дня у меня имелось восемь плах – половинок бревен. Выбираю из них нужные мне шесть (две оставшиеся сгодятся на полки). Весь следующий день, подточив камнем топор, обстругиваю внутреннюю сторону плашек, добиваясь ровной, гладкой поверхности. Обжигаю получившуюся поверхность с помощью горячей смолистой ветки и зашлифовываю её пучком сухой травы, подсыпая песочка. Поверхность получилась приятной и на глаз и на ощупь.

После этого разместил на земле параллельно друг другу четыре коротких бревнышка, длиной каждое, равной ширине сложенных вместе шести плах. Монтирую лавку, выбирая топором на округлой стороне плах небольшие поперечные выемки, чтобы они ровно и устойчиво держались на поперечинах. Иногда уже установленную плаху приходится поднимать и вновь подгонять по месту. Плахи укладываю

комлями в разные стороны, что бы общая ширина нар оказалась везде одинакова. Кроме того, чтобы избежать щелей, обтесываю соприкасающиеся стороны плах, тщательно сплавивая друг с другом.

К концу четвертого дня лавка готова. Осталось перенести её по частям в дом и смонтировать по месту. Для этого пришлось разобрать в одном месте крышу, так как через тамбур и сени затащить массивные доски в дом положительно невозможно. Что бы нары получились повыше, под каждое поперечное бревнышко подложил еще по одному. С этой задачей справился достаточно скоро. Поверхность нар возвышается примерно на полметра. Такую высоту я выбрал намеренно, не столько из-за удобства посадки и вставания, сколько для того, что бы зимой, когда будет топиться печь, оказаться подальше от холодного пола.

Ширина лавки позволяет использовать её и как место для сна, и как террасу для зимнего обитания, не опускаясь без надобности на пол. Со дня завершения оформления спального места окончательно перебираюсь жить в свой новый дом.

Глава 5

Но даже теперь, по завершению всех строительных работ, дом мой готов лишь наполовину. Хоть избушка и сложена из довольно толстых бревен и сама по себе неизмеримо теплее и надежнее чума, в котором я провел минувшую зиму, но выжить в ней без огня зимой станет совершенно невозможно.

Концепцию простейшего открытого очага из камней, подобного бывшему у меня в чуме, я отверг сразу. Такой очаг в бревенчатом доме попросту неуместен. Во-первых, слишком пожароопасен. Во-вторых – он практически не запасает тепла и греет лишь пока в нем пылает пламя. Стоит огонь погаснуть, как температура в начнёт неуклонно снижаться. Кроме того он потребует для своего прокорма огромное, неизмеримое количество дров.

Я видел несколько раз, как на местах длительных стоянок – станах геологов, лесорубов, охотников-промысловиков, рыболовов и прочей лесной братии сооружалось нечто вроде упрощенной русской печи из круто замешанной пополам с песком глины. Печь эта представляла собой простейший ровный «под», то есть днище будущей топки, над которой возводится туннелеобразная арка-перекрытие. Оба торца туннеля закрываются толстыми глиняными стенками, в одной, из которых, лицевой, прорезается отверстие – устье топки. После нескольких неторопливых протопок глина до-

статочно просыхает и даже получает некоторый обжиг, в результате чего печь становится крепкой, монолитной и отлично выполняет свои функции. Обычно такие печи устанавливали на улице, на небольшом бревенчатом фундаменте-постаменте, прикрывая от осадков простейшим навесом. В жильё же для обогрева использовались легкие (относительно) переносные стальные или чугунные печки-буржуйки. Основное назначение сооружаемых на улице глиняных печей – выпекать хлеб. Но в них же с успехом готовят и суп, и мясо, и рыбу, и каши. Пища, приготовленная в такой печи, получалась необычайно вкусной и питательной. А запеченное в ней большим куском мясо просто бесподобно! Печи эти, как правило, не имеют трубы и топятся, посему, по чёрному, то есть дым свободно истекает из устья топки на улицу, расплзаясь окрест. Я намеревался соорудить нечто подобное и у себя в доме, несколько при этом усовершенствовав её, потому что она должна служить мне в первую очередь даже не очагом для приготовления пищи, а средством обогрева в зимний период.

083

Но прежде чем приступить к сооружению печи, отчасти для того, что бы временно сменить род деятельности и отдохнуть от строительных работ, отчасти чтобы спокойно, не торопясь продумать в деталях конструкцию будущего очага,

соизмеряясь со своими возможностями и опытом, решил совершить вылазку в тайгу, переправившись на плоту на материк.

Для столь длительного путешествия имеющийся у меня в наличии для рыбной ловли в акватории залива легкий плот не годился. Необходимо что-то более основательное. Благодаря приобретенному плотницкому опыту сооружение нового (уже третьего по счету) плота не заняло много времени. За день, свалив три сосны, разделил их на четыре четырехметровых и одно пятиметровое бревна. Прорубил поперек в каждом из них в трех местах пазы, несколько расширяющиеся в глубину. Плотно вогнал туда по обтесанному соответствующим образом шесту. Каждый шест, таким образом, проходя через все пять бревен крепко удерживая их вместе. Пятиметровое бревно я разместил в центре. Выступающий с одного края плота метровый отрезок бревна должен был, по моим расчетам, сыграть роль киля и предотвратить рыскание плота по курсу. Кроме того он послужит и причальным трапом, если берег окажется излишне топким и не позволит подойти вплотную. Затем я разобрал плот, спустил по частям на воду и вновь стал собирать его там. Неожиданно с этим пришлось немало провозиться. Особенно сложно оказалось протянуть сквозь прорези во всех четырех бревнах первый, центральный шест, так как заботливо очищенные мною от коры бревна, намокнув, стали скользкими, словно их намылили. Они плясали на воде, норовя расплыться в

разные стороны либо совершить оверкиль, перевернувшись прорубленными пазами вниз, а то и поднырнуть под меня, больно саданув при этом по ногам. Второй шест установился по месту уже легче, а третий проблем не доставил вовсе. Я весь промок и от воды, и от пота, и от мата и основательно вымотался. Пожалуй эта операция по времени и по трудоемкости превзошла все предыдущие. Но к вечеру у берега мерно покачивался отличный плот. Кинув на него длинный шестиметровый шест (я не знал глубины озера, но вряд ли она была большей) и, заякорив судно вторым шестом, воткнутым в дно, отправился спать.

084

Утром встал с первыми лучами солнца, всходившего в это время в самом начале четвертого часа, с тем, что бы успеть проверить все рыбные ловушки. Ставил я их сейчас не больше четырех-пяти штук за раз, так как неплохой улов позволял не только ежедневно сытно есть, но и с каждого улова несколько рыбин покрупнее завяливать.

Вернувшись с часовой рыбалки, плотно позавтракал, выпил горячего кипрейного чайку, подготовил запас продуктов в дорогу. Кроме того взял нож, малый топор, копьё с костяным наконечником и моток веревки. Все, кроме копья, уложил в вещмешок, повесив его за сразу спину, так как ужасно боялся, что что-либо из моего драгоценного и весьма скуд-

ного имущества может упасть в воду и затонуть. Это стало бы для меня катастрофой.

Что бы сберечь обувь (подаренные мне ботинки) я очень часто ходил босиком. Земля уже достаточно теплая и ходьба босиком доставляет истинное удовольствие. Приятно ощущать своими босыми пяточками все морщинки на могучем теле острова. Лишь когда приходилось пробираться густым зарослям, надевал ботинки и то лишь потому, что опасался змей. Правда я их пока не видел, но несомненно ужи либо гадюки где то здесь обитают.

Часов в семь утра наконец отчалил и медленно тронулся в путь, отталкиваясь шестом ото дна. Еще через полчаса вышел из залива и, сменив курс, двинулся в сторону виднеющегося вдали, в спящих лучах восходящего солнца, берега.

Когда стоишь на одном берегу, расстояние до другого всегда кажется в несколько раз меньше, чем оно есть на самом деле. И сейчас, планируя свое путешествие, я рассчитывал, что за час-полтора спокойно, не торопясь, переправлюсь на другой берег, до которого по моим расчетам было никак не более километра. Однако по мере того, как мой берег становился все дальше и ниже и остров уменьшался в размерах, другой, казалось, не приблизился ни на метр. Наконец мне показалось, что я нахожусь где то в центре безбрежного океана. Оба берега лишь узкими полосками темнели у противоположных горизонтов.

Глубина везде стояла небольшая, редко превышая пару метров. Чаще же шест уже на глубине метра погружался в слой ила, с трудом нащупывая более-менее плотное дно, от которого можно было оттолкнуться. Предвидя это, я вырубал свои шесты из молодых стройных березок, оставив снизу часть корневой системы, таким образом получалось расширение, которое не позволяло концу шеста тонуть в мягком дне до бесконечности.

Местами встречались совсем уж откровенные мели с торчащими из воды гребенками озерных трав, которые приходилось, делая промеры тем же шестом, осторожно обходить стороной. Попадались и разного размера полу затопленные плавучие островки, плотно сплетенные из всякого растительного хлама. Несколько раз мимо проплыли, раздвигая в стороны усы маленьких волн, головы каких-то водоплавающих существ. Кто то были – бобры ли, выдры, ондатры, либо какие-то большущие водяные крысы, я различить не мог, так как заметив меня они тотчас проворно меняли направление движения, вовсе не горя желанием встречаться со мной. Возможно они были и правы. Правда мысль о том, что из этих бродяг могло получиться неплохое жаркое, пришла мне на ум уже после того, как они скрылись из глаз. Надо будет в следующий раз сплести и взять с собой сачок. Заметно, как в некоторых местах у самой поверхности густо ходят косяки рыбной молодежи, в которые временами врезались какие-то стрелы. Кто это – голодные щуки или полосатые разбойни-

ки – окуни, я не мог издали определить. При этом я успокоился на счет пополнения рыбных запасов в моем заливе – озеро явно не заморное, не промерзающее даже холодными зимами до дна. Оно изобиловало глубокими зимовальными ямами и по весне богатства подводного мира быстро восстанавливались.

Я утвердился в мысли – если хочу действительно быть подвижным на воде и иметь возможность использовать предоставляемые мне шансы, одного плота мало. Обязательно необходимо строить лодку. Уверен, что вполне способен соорудить нечто вроде индейского каноэ из бересты. Мерно отталкиваясь шестом ото дна (работа, не требующая чрезмерной сосредоточенности), погрузился в раздумья и в моей голове все более отчетливо прорисовывалась схема будущего судна.

Спустя еще полтора монотонных часа берег все-таки, нехотя, но стал подрастать. Я уже различал на нем отдельные деревья и даже кусты. Наконец оказался у цели своего путешествия, но еще с полчаса пришлось выискивать место, где бы я смог причалить, так как берег сплошь обрывист, резко уходя в воду и не позволяя подняться наверх. Но вот нашел часть свежессыпавшегося суглинистого обрыва, следствие последнего паводка. Образовался небольшой пологий подъем. Причалив к берегу и тщательно заякорив свое судно сразу обоими имевшимися у меня шестами, воткнув их, насколько смог, тонкими макушками в дно, вскарабкался на-

Почти вплотную к берегу подступает смешанный хвойно-лиственный лес: в основном березы, осины, сосны, ели. Местами подлесок довольно густ, но не редки и открытые, хорошо проветриваемые, лишенные травы, устланные ковром сухой хвои или прошлогодних перепревших листьев участки. Множество павших деревьев. Временами приходилось, косясь на солнце, огибать сплошные буреломы, пролезть напрямую сквозь которые, не то что свободно пройти, совершенно невозможно. Далее, вглубь тайги, шли сосновые боры и ельники. Березняки, ольшаники и осинники вкраплялись в них небольшими рощицами-урочищами с крошечными болотцами по центру. За все время путешествий, что по своим обоим островам, что здесь, на материке, я встретил лишь несколько пихтовых и лиственных деревьев. Вообще-то лиственница, самое распространенное таёжное дерево. Но не здесь. Лиственница любит более высокие места, образует сплошные массивы, тянущиеся на сотни и сотни километров по Уралу, в центральных и восточных горных районах Сибири и Дальнего Востока. Здесь же, в распластавшейся на два с лишним миллиона квадратных километров болотистой низинной местности, одной из самых больших равнин на земном шаре, главным определяющим таежным

деревом являлась сосна. Это её законное царство. Она со своей подругой елью лишь милостиво позволяла прочим деревьям подселиться к себе.

Углубившись на пару километров от берега и не найдя предполагаемого края земли, вернулся в исходную точку, решив немного пройтись вдоль обрыва, что бы окончательно определиться с тем, где же я нахожусь. Что это, очередной остров или все же действительно край болотного царства? Свернув влево, направился к югу. Пройдя с километр удостоверился, что берег и не думает заворачивать на восток. Я уже собирался повернуть обратно, как вдруг справа от меня открылось речное русло. Не сомневаясь, что это устье таежной реки, пошел вдоль её берега. Но через сотню, другую метров убедился, что это всего лишь протока, отделяющая от материка довольно крупный, но не столь широкий остров. Он был, конечно, поменьше моего, нынешнего, но вряд ли уступал старому. Протока в самом широком своем месте не превышала полусотни метров, поэтом издали, особенно со стороны озера, этот клочок суши казался совершенно частью материка и лишь в непосредственной близости от входа в протоку раскрывалось истинное положение географических дел.

Желая узнать, насколько он тянется, решил дойти берегом до его конца. Шагов через пятьсот увидел противоположный край острова, за которым вновь открывался вид на болота. Собирался уже было повернуть обратно, как вдруг оказался на краю обрыва, под которым протекала то ли речка, то

ли еще одна протока, но значительно уже. Русло чистое, шириной метров десяти. По едва заметному течению логично предположить, что это речушка, берущая начало в моем озере, отводит воды из него куда то вглубь материка. Там она впадает либо в более крупную реку, либо в другое озеро. Я попытался пройтись берегом реки, однако он оказался настолько густо завален стволами упавших в разное время деревьев, что продвинуться хоть на пару десятков шагов решительно невозможно. Вздохнув, решил, что это еще одна причина, по которой мне обязательно нужна лодка. Ведь по руслу этой речки я мог свободно проникнуть вглубь материка на километры, выбирая наиболее перспективные с точки зрения охоты и собирательства места. Вернувшись обратно к берегу большой протоки, принялся лениво рассматривать островок, который не представлял для меня какого либо особого интереса, так как находился рядом со значительно более богатым и заманчивым во всех отношениях материком.

Вдруг показалось, что в просвете между деревьями на том берегу мелькнуло нечто знакомое. Я замер. Да нет, ничего необычного. Отступил на пару шагов назад, внимательно глядясь в заросли. Точно, вон там, совсем недалеко от берега стоит что-то. Да это же почерневшие останки сруба с полупровалившейся внутрь крышей! Открывшаяся картина настолько отчетлива и вместе с тем фантасмогорична, что я несколько минут стоял в совершеннейшем замешательстве. Наконец стал искать глазами еще какие либо признаки че-

ловека, но больше ни строений, ни чего либо еще, похожего на творения рук человека видно не было. По всей видимости это давно заброшенный приют такого же бедолаги как и я сам.

В глубокой задумчивости возвращался к своему плоту. Мысли о дальнейшем исследовании территории, тем более об охоте покинули меня. Я сделал на сегодня довольно открытий, да и устал основательно, потратив много сил на плавание. И еще предстоял такой же переход обратно. Оставаться в незнакомом лесу, где уж точно водились крупные звери, меня абсолютно не прельщало. Во всяком случае я доказал самому себе возможность плавания по озеру. И понял, что плавание это лучше совершать на лодке, а не на плоту.

Добравшись до плота, спешно погрузился на него и отошел от берега. Затем остановился и какое то время находился в раздумье. Мне не терпелось отправиться к вновь открытому острову с останками хижины. Возможная близость человека неожиданно взволновала меня. Живет ли там кто? И кто он мне – друг или враг? Сколько их? Стоит ли ждать какой либо каверзы с этой стороны? Хотелось ясности. Сейчас, немедленно. Чтобы неизвестность не грызла. Но понимая, что время уже близится к четверем вечера, а мне еще несколько часов добираться до своего острова, я вынужден был отвергнуть идею исследования, какой бы заманчивой она не представлялась. Но решил, что обязательно в ближайшие дни приступлю к постройке лодки и уж тогда никто не

помешает мне обследовать и островок, и открытую речку. Кроме того я убеждал себя, что если бы на острове кто и жил, я бы заметил за прошедшие месяцы, и не раз, либо дымок, поднимающийся на фоне берега, либо рыбацкую лодку, которой не могло не быть у островитян. Успокоив таким образом свою подозрительность, отправился в обратный путь.

Глава 6

За время путешествия, точнее за те тягучие часы, что провел, отталкиваясь шестом ото дна, в голове окончательно сложился план конструкции печи, которую я собираюсь соорудить в своем жилище. Это будет глинобитная печь, топящаяся по черному, т. е. без трубы. Дым станет выходить прямо из топки и свободно поднимаясь под потолок, вытягиваться оттуда через деревянную трубу-дымник. Чтобы дым не стлался понизу, необходимо обеспечить на время топки постоянный приток свежего воздуха в комнату.

086

Первым делом, вернувшись домой, стал обследовать берега своего острова на предмет обнаружения месторождения подходящей глины. Сначала обошел берега залива. В нескольких местах видел выходы глины, но, на мой взгляд, она слишком тощая, так как скатанные из неё шарики легко крошились при сдавливании. Затем прошелся узеньким пляжем вдоль внешней стороны восточной косы, проверяя каждый раз найденный слой на пластичность: скатав в ладонях глиняный шарик – плющил его в лепешку. И каждый раз края этих лепешек в большей или меньшей степени покрывались трещинами. Наконец в том месте, где пляж схо-

дил на нет, а обрыв тонул своим основанием в озерной «бездне», я обнаружил обнажившийся двадцатисантиметровый слой превосходной глины, именно такой, какой нужно. Ска-
тав очередной раз шарик, сдавил его между ладоней. Полу-
чилась плоская шайбочка с ровными, не потрескавшимися
краями. Это то, что я искал!

Почему я так уверен в этом? Все достаточно просто. В
детстве родители каждое лето отправляли меня на каникулы
в деревню к бабушке Варе, которая переехала туда сразу, как
вышла на пенсию. Но «старушка», будучи еще не старой, не
смогла усидеть без дела, как мечтала о том, и вскоре устрои-
лась учительницей в местную начальную школу. И еще с де-
сятков лет преподавала там и физику, и химию, и географию,
и ботанику с зоологией. Вроде как даже историю с литера-
турой. Для меня же эти поездки превращались в мучение,
так как бабуля сама придумывала мне по всем предметам
задания и строго следила за их выполнением. Неудивитель-
но, что я, будучи не очень прилежным учеником, искал каж-
дую возможность улизнуть из дома. Сидеть летом в деревне
в избе – благодарю покорно. Впрочем бабушка не была же-
стокой женщиной и строгость в ней сочеталась с любовью к
единственному внуку, поэтому глядела она на мои выходки
весьма снисходительно. Но понял я это много позже, когда
бабушки уже не стало. А тогда...

Рядом, через дом, жил дед Мирон, которого местные за
глаза звали Бандерой. Называли его так потому что он был

родом с Западной Украины и в молодости, шептались, действительно был бандеровцем, за что и оказался некогда сослан сюда. Впрочем деда Бандеру любили за его незлобивый нрав и готовность помочь любому, кто об этом попросит. Ни жены, ни детей, ни внуков у деда отродясь не было (правда по молодости, говаривали, он вполне был еще тот ходок. И подозревали, что на самом-то деле детишек в округе у него должно вполне себе предостаточно. Да кто ж из деревенских баб в этом признается-то). То ли по первой причине, то ли по второй, но когда ссылке Мирона вышел срок и ему дозволили вернуться домой, он отказался. Край, показавшийся некогда диким и неприветливым, стал родным. Он понял и оценил неброскую, не выставляемую на показ, но глубокую и отзывчивую душу местных жителей.

Дед Мирон слыл великолепным и чуть ли не единственным оставшимся в районе печником и печи во всех соседних деревнях по большей части были делом именно его рук. Я помню, что бабушка говаривала: если уж дед Бандера сложил печь, то будьте уверены, печь непременно «топка» и «увариста». Что она имела под этим ввиду, я не мог тогда понять.

Я очень любил наблюдать за работой старого печника и с удовольствием помогал ему, ходил вместе с ним в небольшой самокопанный карьер, в котором все брали глину на печи. Здесь старик рассказывал мне, чем хорошая глина отличается от плохой или вовсе непригодной. Вообще, дед Мирон не делал секрета из своего мастерства и делился им со

всяким, кто проявлял к этому хоть малейший интерес. Единственно о чем он действительно жалел, так о том, что здесь никто не покрывал свои печи разноцветными изразцами, как это принято делать на его далекой родине. Да и где местным взять эти диковинные и таинственные изразцы, если бы они даже вняли совету печника? Обычно заказчик махал рукой – так, баловство одно эти изразцы. Но глядели на Бандеру с еще большим уважением. Старику, как я заметил, льстило его несколько особое положение в общине и ореол некой таинственности вокруг его персоны. Временами Бандера впадал в задумчивость. Тогда темные глаза его становились туманными и грустными. Кончики пышных седых усов обвисали. Бросив все дела, дед сидел на завалинке своей «хаты», курил коротенькую тёртую трубочку, выпуская густые сизые клубы самосада. И вполголоса пел заунывные гуцульские песни. Впрочем грустил он недолго, пока тлела трубка.

Многому меня научил дед Мирон. Я любил просто поговорить с ним, так как человек он был незаурядный и, как я только сейчас уже понимаю, неплохо образованный. Хотя дед Мирон и не имел родственников в деревне, но когда он умер, на похороны сошелся народ со всех окрестных сел и слезы на глазах у людей блестели вполне искренние. Помню, что тогда я подумал: вот так надо прожить свою жизнь – оставив после себя не деньги, не груды барахла, а добрую память. Такую память, чтоб когда наступит пора, люди пришли проводить тебя не по принуждению или обязанности, а

потому лишь, что у каждого из них сегодня случилось горе – ушла частичка их души.

Чтобы натаскать корзиной необходимое для кладки, вернее битья, печи количество глины, пришлось совершить больше десятка ходок, на что ушло два дня. Затем я вырыл рядом с домом затворную яму диаметром около полутора метров и глубиной более полуметра. Обмазав толстым слоем глины стенки и дно ямы и обложив их циновками, я вывалил туда всю принесенную глину и залил водой таким образом, что бы она полностью погрузилась в жидкость. Время от времени перемешиваю содержимое, подливая свежей водички. Глина должна вылежаться несколько дней, хорошо размокнуть и стать пластичной, словно пластилин.

За эти дни натаскал к яме основательную кучу песка. Затем принялся за изготовление фундамента под печь. Как я уже говорил, комната в моей избушке имела ширину в два с половиной метра, один из которых уже занимала сооруженная вдоль левой стены лавка. Таким образом оставалось пространство шириною до полутора метров. Учитывая, что от стенки печи до стены дома следует оставить не меньше сорока сантиметров, а до лавки сантиметров тридцать, рассчитал, что ширину печи можно принять в восемьдесят сантиметров.

Разметив контуры будущей печи на полу, отступив от дальней стены так же сантиметров сорок, прорезал слой затвердевшего уже песка по этому контуру и стал аккуратно

выбирать грунт на глубину около полуметра, пока не извлек весь слой чернозема и не достиг суглинка. Затем плотно забил эту яму почти доверху в несколько слоев принесенным с берега песком, хорошо утрамбовывая и промачивая каждый слой.

Окончательно заложил фундаментную яму одинаковыми по размеру плоскими камнями, плотно подгоняя их друг к другу. Замазал все щели довольно жидкой, чтоб только не растекалась, глиной.

В этих хлопотах прошла неделя, в течении которой по нескольку раз за день вымешивал голыми ступнями мокнущую глину, подливая по необходимости воды, которая частью уходила из импровизированного чана в землю, частью впитывалась набухающим тестом. Наконец, когда глина оказалась достаточно размоченной, а работы по сооружению фундамента полностью завершились, приступил к сооружению печи. Первым делом я отложил пару ведер размоченной глины в большой берестяной короб, наполовину врытый для крепости в землю. Затем всыпал туда столько же ведер (условных, конечно) песку и стал перемешивать, поначалу руками, а затем и ногами. Временами, что бы добиться необходимой консистенции, то подкидывал пару горстей песочка, то подливал по необходимости самый чуток водицы. На эту работу ушло больше часа, но в конце концов я добился той самой консистенции, что добивался дед Мирон, т. е. консистенции очень крутого теста, не липнущего к рукам, очень

плотного, но еще достаточно пластичного, позволяющего с ним работать, с самым минимальным содержанием воды и густо равномерно пронизанного песчинками. Взяв кусочек готовой глинопесчаной смеси, скатал из неё шар величиной с кулак и с высоты в метр бросил на твердую землю – шар упал, практически не потеряв при этом своей формы и не растрескавшись.

Перетаскав получившееся тесто в дом и выложив на фундамент, я стал заготовленной загодя деревянной колотушкой разбивать массу ровным слоем по поверхности камней, не давая при этом вылезать по сторонам за границы фундамента. В нескольких местах в недра глиняной массы вбил сухие веточки в палец толщиной, которые должны послужить арматурой, не дающей на первом этапе, пока глина окончательно не затвердеет, потерять основанию печи форму. В конце концов у меня получилась толстая, сантиметров в десять, ровная лепешка с гладкой верхней стороной. Все боковые грани этой лепешки я аккуратно обровнял ножом и уплотнил колотушкой. Работу завершил тем, что застлал будущий «под» слегка смоченной циновкой. Площадка, как я уже отмечал, имела ширину порядка восьмидесяти сантиметров и длину более полутора метров. Тыльная ее сторона, как и боковые – ровная, а передняя имеет полукруглую форму, в соответствии с задуманным мною устройством печи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.